

DOI 10.22363/2618-897X-2022-19-1-86-97

Научная статья

Языковые проявления экстремизма в аспекте национальных законодательств Российской Федерации и Республики Беларусь

А.Л. Дединкин

Международный университет «МИТСО»,
Республика Беларусь, 210015, Витебск, ул. М. Шагала, д. 8А
✉ alexanderdedinkin@yandex.by

Аннотация. В условиях глобализации общества информация становится не просто суммой необходимых человечеству знаний, а средством манипуляции сознанием миллионов людей, способом разжигания розни и вражды. Вербальные преступления совершаются как в отношении прав и свобод человека, так и против мира и безопасности человечества. В последние годы как в России, так и в Беларуси участились вербальные правонарушения экстремистского толка. Для белорусского и российского лингвоправового дискурса это достаточно новое явление, интерес к которому предопределил цель данного исследования — изучить феномен вербального экстремизма в аспекте национальных законодательств Российской Федерации и Республики Беларусь. В качестве фактических данных были использованы конфликтотенные тексты экстремистского характера, изученные в аспекте их соответствия нормам уголовного законодательства (ст. 130 Уголовного кодекса Республики Беларусь и ст. 280 и 282 Уголовного кодекса Российской Федерации). Методология работы включает метод параметризации, логико-лингвистический, сравнительно-сопоставительный и лексико-семантический анализ. Объектом исследования является вербальный экстремизм. В проведенном исследовании внимание было уделено как теоретическому изучению феномена вербального экстремизма, так и практическому анализу конфликтотенных текстов. Общими признаками вербального экстремизма являются: абстрактность, повышенный эмоциональный фон передаваемой информации, псевдоневовлеченность человека в его распространение. Основным механизмом возбуждения (разжигания) розни является использование высказываний о превосходстве или исключительности доминантной группы в сопоставлении с биологической, социальной, нравственной дефективностью или порочностью рецессивной группы. Вербальным механизмом возбуждения (разжигания) вражды является формирование дефективного или враждебного образа рецессивной группы, когда представителям данной группы приписывается либо желание вести иждивенческий образ жизни за счет членов доминантной группы, либо они обвиняются в изначальной враждебности к доминантной группе, в подготовке тайных планов по ее уничтожению. Полученные результаты свидетельствуют о том, что в белорусском и российском законодательствах отражается схожее понимание категории вербального экстремизма.

© Дединкин А.Л., 2021

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

ма, что свидетельствует о постепенной гармонизации законодательных систем России и Беларуси в части оценки преступлений против мира и безопасности человечества.

Ключевые слова: экстремистский текст, вербальный экстремизм, речевое манипулирование, речевая агрессия, доминантная группа, рецессивная группа

История статьи: дата поступления в редакцию: 01.11.2021; дата принятия к печати: 07.01.2022

Конфликт интересов: отсутствует

Для цитирования: *Дединкин А.Л. Языковые проявления экстремизма в аспекте национальных законодательств Российской Федерации и Республики Беларусь. 2022. Т. 19. № 1. С. 86—97. DOI 10.22363/2618-897X-2022-19-1-86-97*

Research Article

Linguistic Manifestations of Extremism in the Aspect of National Legislation of the Russian Federation and the Republic of Belarus

A.L. Dziadzinkin

International University «MITSO»
bldg. 8A, M. Shagal Str., Vitebsk, 210015, Republic of Belarus
✉ alexanderdedinkin@yandex.by

Abstract. In the context of globalization of society, information becomes not just the sum of knowledge necessary for mankind, but a means of manipulating the consciousness of millions of people, a way of inciting hatred and enmity. Verbal crimes are committed against both human rights and freedoms and against the peace and security of mankind. In recent years, both in Russia and in Belarus, verbal offenses of an extremist nature have become more frequent. For the Belarusian and Russian linguistic and legal discourse, this is a fairly new phenomenon, the interest in which predetermined the purpose of this study — to study the phenomenon of verbal extremism in the aspect of the national legislation of the Russian Federation and the Republic of Belarus. The factual data were conflictogenic texts with extremist focus that were analyzed from a legal standpoint (Article 130 of the Criminal Code of the Republic of Belarus and Articles 280 and 282 of the Criminal Code of the Russian Federation). The methodology of the research comprises the method of parametrization and logical-linguistic, comparative and lexical-semantic analyses. The object of the research is verbal expressions of extremism. In this study, attention was paid to both the theoretical study of the phenomenon of verbal extremism and the practical analysis of conflictogenic texts. Common signs of verbal extremism are: abstractness, heightened emotional background of transmitted information, pseudo-non-involvement of a person in its dissemination. The main mechanism of sowing (inciting) discord is the use of expressions stating the superiority or exclusiveness of the dominant group as compared to the biological, social or moral defectiveness or depravity of the subgroup. The verbal mechanism of sowing (inciting) hatred is creation of defective or hostile images of the subgroup, when its members are attributed either a desire to lead parasitic lifestyles at the expense of the members of the dominant group, or they are accused of innate hostility to the dominant group and conspiring its destruction. The results obtained indicate that the Belarusian and Russian legislation reflects a similar understanding of the category of verbal extremism, which

indicates the gradual harmonization of the legislative systems of Russia and Belarus in terms of assessing crimes against the peace and security of mankind.

Key words: extremist text, verbal extremism, speech manipulation, speech aggression, dominant group, recessive group

Article history: received: 01.11.2021; accepted: 07.01.2022

Conflict of interests: none

For citation: Dziadzinkin, A.L. 2022. “Linguistic Manifestations of Extremism in the Aspect of National Legislation of the Russian Federation and the Republic of Belarus”. *Polylinguality and Transcultural Practices*, 19 (1), 86—97. DOI 10.22363/2618-897X-2022-19-1-86-97

Введение

На современном этапе развития общества информация становится не просто суммой необходимых человечеству знаний [1. С. 824], а средством манипуляции сознанием миллионов людей, способом разжигания розни и вражды. Вербальные преступления совершаются как в отношении прав и свобод человека (к примеру, оскорбление или клевета), так и против мира и безопасности человечества (речь идет о различных проявлениях вербального экстремизма) [2. С. 313].

Правовая составляющая вербального экстремизма отображена в Законе РБ от 04.01.2007 № 203-З «О противодействии экстремизму» и Законе РФ от 25.07.2002 № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности». При этом в правовом поле Союзного государства России и Беларуси сам термин «вербальный экстремизм» (как и выражения «язык вражды», «риторика ненависти») не употребляется. Действительно, в данном случае его нельзя рассматривать как вид экстремизма наравне с религиозным или национальным. Связано это с тем, что зачастую проявления обозначенных видов экстремизма реализуются посредством именно речевой деятельности. Кроме того, в правовом понимании категория «вербальный экстремизм» не отражает объекта девиантного воздействия.

Ученые, в отличие от законодателей, выделяют вербальный экстремизм. Данное понятие (или его синонимичные варианты: «словесный», «лингвистический», «языковой», «речевой») присутствует в работах М.В. Аблина, О.В. Артемьевой, М.С. Власова, Д.В. Морозова, Т.В. Романовой, Н.А. Сергиенко, С.С. Фолимонова и др. [3. С. 213]. Кроме этого, термин «вербальный экстремизм» широко применяется лингвистами в экспертной практике.

Цель настоящего исследования — изучить феномен вербального экстремизма в аспекте национальных законодательств Российской Федерации и Республики Беларусь. В качестве фактических данных были использованы конфликтогенные тексты экстремистского характера, изученные в аспекте их соответствия нормам уголовного законодательства (ст. 130 Уголовного кодекса Республики Беларусь и ст. 280 и 282 Уголовного кодекса Российской Федерации). Методологическую базу исследовательской работы составили метод параметризации, логико-лингвистический, сравнительно-сопоставительный и лексико-семантический анализ. Объектом исследования является вербальный экстремизм.

Обсуждение

Границы вербального экстремизма целесообразно определять посредством указания на вербальные правонарушения, среди которых пропаганда превосходства или неполноценности граждан, публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности, реабилитация нацизма, распространение заведомо ложных сведений о положении государства, оскорбление представителя власти.

Терминологизация лексемы «вербальный экстремизм», как и любого другого юрислингвистического понятия [4. С. 195], возможна только с опорой на действующее законодательство. Именно так к данному вопросу подходит целый ряд российских исследователей. К примеру, В.А. Грушихина в состав вербального экстремизма включает «случаи проявления лицами ненависти и вражды по мотивам пола, расы, национальности, языка, происхождения при публичных выступлениях на митингах, в сети Интернет, СМИ с использованием слов (выражений)» [5. С. 48]. «Перечислительный» способ определения вербального экстремизма представлен в работе Е.И. Галяшиной: «... это целенаправленный акт публичной передачи сообщений в форме устных или письменных речевых высказываний, которые призывают или подстрекают к осуществлению, инициируют, провоцируют или руководят противоправными действиями экстремистского толка; оправдывают или обосновывают их; пропагандируют нацистскую или сходную с ней до степени смешения символику и атрибутику; направлены на возбуждение национальной, расовой или религиозной вражды либо ненависти, включая передачу информации языковыми средствами в публичных выступлениях, печатных изданиях, средствах массовой информации (радио, телевидение)» [6. С. 18].

Вербальные правонарушения имеют ряд специфических характеристик: полиадресность, масштабность последствий, непроверенность используемых данных, а также самотиражируемость информации. Таким образом, основное отличие вербального экстремизма в том, что это не конкретное действие, а процесс, имеющий отложенную цель и длительный период реализации.

В рамках классификации вербального экстремизма выделяют пропагандистский и агитационный тексты, эксплицитную и имплицитную речевую агрессию [7. С. 98].

Пропагандистский текст включает информацию, которая направлена на формирование лишь тех или иных идеологических установок и может не выражаться в осуществлении конкретных противоправных действий. Агитационный текст, в свою очередь, содержит призыв к этим действиям. Таким образом, пропагандистский текст обычно предшествует агитационному, поскольку экстремистская деятельность не может осуществляться без определенных убеждений.

Эксплицитная речевая агрессия в экстремистском тексте понимается как резкая форма агрессии. К языковым средствам, которые употребляются при выражении данного типа агрессии, относят экспрессивно окрашенную лексику, инвективы, грубо-просторечные слова и словосочетания, жаргонную лексику, а также высказывания, демонстрирующие открытую враждебность к реципиенту: угрозу или оскорбление. Имплицитная речевая агрессия в экстремистском тексте

предполагает более мягкое проявление агрессии. К средствам выражения данного типа речевой агрессии относят: намеки, «искажение фактов», «неправомерное обобщение», «иронические замечания», «скрытые угрозы», а также пассивные формы коммуникации — «перебивание» или «лишение слова».

Каждый из видов вербального экстремизма имеет свои отличительные черты, но общими признаками в данном случае являются: абстрактность (невывявленность конечной цели), повышенный эмоциональный фон передаваемой информации, псевдоневовлеченность человека в его распространение (обладатель экстремистской информации потенциально может стать не только ее носителем, но и ретранслятором).

Как белорусское, так и российское законодательство имеет аналогичный подход к пониманию проявления вербального экстремизма, что свидетельствует о постепенной гармонизации законодательных систем России и Беларуси в части оценки преступлений против мира и безопасности человечества:

Белорусское законодательство

- 1) разжигание расовой, национальной, религиозной либо иной социальной вражды или розни, политической или идеологической вражды, вражды или розни в отношении какой-либо социальной группы;
- 2) пропаганда исключительности, превосходства либо неполноценности граждан по признаку их социальной, расовой, национальной, религиозной или языковой принадлежности;
- 3) публичные призывы к экстремистским действиям и публичное оправдание таких действий.

Российское законодательство

- 1) возбуждение расовой, национальной или религиозной розни, а также социальной розни, связанной с насилием или призывами к насилию;
- 2) пропаганда исключительности, превосходства либо неполноценности граждан по признаку их отношения к религии, социальной, расовой, национальной, религиозной или языковой принадлежности;
- 3) публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности или совершению указанных действий.

Отметим, что в российском законодательстве речь идет о возбуждении розни, а в белорусском — о розне и вражде. Безусловно, эти понятия следует различать. Под *рознью* мы понимаем существенные различия между объектами, их противоположность и несовместимость, под *враждой* — отношения и действия, которые мотивированы чувством неприязни или ненависти.

Также обратим внимание на отличия таких понятий, как *возбуждение* (в российском законодательстве) и *разжигание* (в белорусском законодательстве). Возбуждение розни или вражды, в отличие от их разжигания, на наш взгляд, не обязательно является умышленным. Для обоснования наличия признака разжигания розни или вражды необходимо доказать умысел в действиях автора экстремистского текста. Таким образом, разжигание розни или вражды — это осознанная провокация автора экстремистского текста.

Адресатами экстремистского дискурса являются, как правило, потенциальные единомышленники («друзья», «свои»), среди которых распространяется «воз-

буждающая» информация в отношении противников. «Чужие» («враги») являются объектами экстремистского воздействия. Таким образом, «свои» составляют доминантную, а «чужие» — рецессивную группу.

Возбуждать или разжигать рознь в экстремистских текстах — значит содействовать тому, чтобы представители доминантной группы понимали противоположность и несовместимость своих интересов с членами рецессивной группы. Тем самым между группами должно формироваться непреодолимое отчуждение.

Основным механизмом возбуждения или разжигания розни является использование высказываний о превосходстве или исключительности доминантной группы в сопоставлении с биологической, социальной, нравственной дефективностью или порочностью рецессивной группы.

Наиболее эффективно данный механизм осуществляется посредством распространения среди единомышленников соответствующих креолизованных текстов:

а) визуальный компонент — фашистский солдат (представитель «арийской расы») улыбается и кормит котенка (слева), а дети негроидной расы несут распятого на кресте котенка (справа); вербальный компонент (пояснительная надпись) — «Почувствуй разницу!»;

б) визуальный компонент — девушки славянской внешности отдыхают на природе (слева), и представители кавказских народов пасут отару овец (справа); вербальный компонент (пояснительная надпись) — «Каждому свое!»;

в) визуальный компонент — безоружные футбольные болельщики (вверху) и экипированные сотрудники милиции (внизу); вербальный компонент (пояснительная надпись) — «Слава — нам, позор — ментам».

Возбуждать (разжигать) вражду в экстремистских по содержанию текстах — значит содействовать тому, чтобы представители доминантной группы начали борьбу (в физической или вербальной форме) с рецессивной группой. Существуют два основных вербальных механизма возбуждения вражды, которые наиболее ярко отражаются в креолизованных текстах.

1. Формирование дефективного (неполноценного) образа рецессивной группы, когда представителям данной группы приписывается физическое или нравственное уродство, желание вести иждивенческий образ жизни за счет членов доминантной группы:

а) визуальный компонент — цыгане с детьми попрошайничают; вербальный компонент (комментарии) — «получают пособия на своих детей за счет наших работяг», «не хотят работать», «не знают нашего языка»;

б) визуальный компонент — изображены молодые люди в черных майках; вербальный компонент — надписи на майках: «Дагестан», «Чечня», «Азербайджан»; пояснительная надпись «Понаехали...».

2. Формирование враждебного образа рецессивной группы. К примеру, представители данной группы обвиняются в изначальной враждебности к доминантной группе, в подготовке тайных планов по ее уничтожению.

Что касается публичных призывов к экстремистским действиям, то здесь необходимо согласиться с позицией М.А. Осадчего [8. С. 29], который полагает, что вербальная составляющая призыва в наиболее общем виде характеризуется следующими лингвистическими признаками: наличием в высказывании вербаль-

ного императива; наличием в высказывании образа способа совершения действия; наличием в высказывании образа объекта действия; наличием в высказывании образа адресата.

Определим вербальную составляющую призывов экстремистского содержания, направленных на возбуждение вражды или розни по тому или иному признаку, например:

а) высказывание «Суки, быдло, резать их, убивать!»:

присутствуют вербальные императивы «убивать» и «резать», выраженные формой инфинитива; образ способа совершения действия является конкретным (убийство); образ объекта действия имеет максимальную степень проявления (из контекста видно, что речь идет о сотрудниках правоохранительных органов); образ адресата призыва характеризуется нулевой конкретностью (адресатом являются все читатели информационного ресурса).

Таким образом, перед нами сильный действенно-объектный призыв;

б) креолизованный текст: визуальный компонент — изображение расстрела человека из автомата; вербальный компонент (пояснительная надпись) — «Скажи кавказской оккупации “нет”! Ответ должен быть жесток!».

В данном креолизованном тексте: присутствует вербальный императив «Скажи “нет”!», выраженный императивной формой глагола и предикативом «нет»; образ способа совершения действия является конкретным (расстрел как «жесткий ответ»); образ объекта действия имеет максимальную степень проявления (речь идет о кавказской «оккупации»); образ адресата призыва характеризуется нулевой конкретностью.

Таким образом, перед нами сильный действенно-объектный призыв.

При подготовке заключения эксперту-лингвисту необходимо определить, по какому признаку осуществлялось возбуждение (разжигание) розни или вражды. Целесообразно выделять следующие признаки:

— национальный (к примеру, в отношении евреев — «пархатые», «жиды», «компромисс с евреями невозможен»);

— расовый (в отношении неевропеоидных рас: «Или мы, или они. Белый, очнись! счет идет на дни», «Будь белым! Бей первым!», «Место негров в тюрьме!»);

— религиозный (к примеру, сравнение пророка Мухаммеда с неграмотным);

— языковой (к примеру, в отношении цыган — «говорят по-тарабарски»);

— социальный (к примеру, в отношении такой социальной группы, как «сотрудники милиции» — «мусора», «акабы», «менты»; мигрантов — сравнение их с насильниками и террористами);

— идеологический (к примеру, в отношении сторонников левой идеологии — перечеркнутый лозунг «Слава коммунизму!»).

Экстремистский текст является реализацией персуазивной коммуникации, где речевая манипуляция становится основой взаимодействия. Вербальный экстремизм как вид экстремистской деятельности нацелен на результативность воздействия на личность. Анализ фактического материала (прецедентные случаи проявления экстремистского дискурса в русскоязычном коммуникативном пространстве; данные, полученные автором статьи в процессе проведения судебных лингвистических исследований) показывает, что авторы экстремистских текстов

используют целый ряд способов манипуляции, применяя соответствующие языковые приемы:

1) подмена понятий, когда вместо реальных виновников происшествия (возможно, представителей доминантной группы) обвиняются «чужие». К примеру, в войнах и терактах авторы экстремистских текстов безапелляционно обвиняют, как правило, мигрантов:

Мигранты — это инородная мразь. Не будет мигрантов — наша земля будет чистой, наши поля будут хлебными, наши женщины будут счастливыми. Мир станет лучше. Теракты прекратятся;

2) деаксиологизация символов. Примерами могут служить карикатуры на пророка Мухаммеда или перечеркнутые изображения символов ислама — полумесяца и звезды с пояснительными надписями: «Стоп, ислам!» и т.д.;

3) вербализация негативных характеристик, когда авторы экстремистских текстов приписывают членам рецессивной группы лишь отрицательные качества.

Цыгане занимаются грабежами, наркоторговлей, незаконным хранением оружия. Обычные занятия цыганок — гадание, попрошайничество и похищение детей. За отказ от гадания цыганки проклинают;

4) использование конструкций субъективизации информации в качестве аргументации. Изначально манипулятор использует категории «вероятно», «возможно», «скорее всего» (мусульмане, скорее всего, объявили новый джихад против христиан; китайцы, вероятно, хотят захватить наши земли, чтобы расширить свое жизненное пространство). После множественных упоминаний подобных конструкций последние становятся «обоснованными» утверждениями;

5) мифологизация текста с целью воздействия на эмоциональный мир реципиентов. К примеру, используется миф о мировом сионистском правительстве, существовании заговора, участниками которого являются евреи. Конечной целью такого заговора называется истребление белой расы:

Все евреи заодно, они склонны к заговорам, связаны круговой порукой и помогают своим по крови;

6) футуризация текстового содержания, когда авторы в экстремистском дискурсе при формировании образа врага информируют о «готовящихся провокациях» со стороны «чужих». К примеру, среди футбольных болельщиков распространяется информация об ожидаемых агрессивных действиях сотрудников милиции во время проведения ближайшего спортивного мероприятия:

Будьте внимательны! ОМОН с дубинками будет нападать со спины. Начнут всех валить по беспределу;

7) семантическая компиляция. При формировании образа врага авторы экстремистских текстов могут использовать неактуальные сюжеты применительно к текущим событиям. В креолизованных текстах зачастую наблюдается наложение на ранее демонстрируемое видео (к примеру, погромы, учиненные мигрантами в европейских городах) новой звуковой дорожки с необходимыми автору комментариями (к примеру, о необходимости изгнания мигрантов из страны);

8) указания на единение с аудиторией, когда авторы ссылаются, например, на коллективное мнение («общепризнано, что браки славянских девушек с “черными” приводят к вырождению белой расы...») или результаты псевдосоциологических исследований.

Таким образом, ключевым признаком экстремистского текста является оппозиционность доминантной и рецессивной групп («своих» и «чужих»).

Авторы экстремистских текстов в процессе воздействия на массы используют повышенный эмоциональный фон. Отсутствие рациональных доводов заменяется эмоциональностью способов и средств трансляции информации, что приводит к более ускоренному процессу принятия сообщения, поскольку не нужно тратить время на осознание логических связей. Использование различных средств выразительности создает качественный и четкий образ «врага». При этом отсутствие конкретных доказуемых фактов затрудняет и возможность опровержения утверждений, воспринимаемых как догмат.

Средства интимизации и диалогизации повествования оказывают сильное воздействие на адресата, который вовлекается в «беседу», становится соучастником группы «посвященных», допускается к чему-то, как он считает, запретному. Обращения, риторические призывы, императивные конструкции вместе с ориентацией на индивидуализацию сообщаемого провоцируют человека на ответную откровенность в выражении собственных мыслей и чувств, что в дальнейшем используется авторами экстремистских текстов для манипулирования.

Зачастую в экстремистских по содержанию текстах используются синонимические и антонимические ряды, посредством которых актуализируется рознь между единомышленниками и представителями «чужих», что способствует первоначально нетолерантному отношению к членам рецессивной группы, а затем и к разжиганию вражды и розни по тому или иному признаку.

Одновременно с созданием негативного образа одной группы формируется позитивный образ другой, что усиливает в сознании реципиента восприятие базовых характеристик каждой из противопоставленных групп, поляризуя их. Так, можно отметить, что не только тексты с отрицательной маркированностью имеют экстремистский характер, но и излишне позитивные образы могут преследовать ту же цель. В частности, постоянное повторение информации о величии расы или нации формирует параллельно с развитием возвышенных чувств и ложное чувство превосходства одной группы над другими, что может получить выражение в расизме, шовинизме и других проявлениях ксенофобии.

Помимо ярких эмоционально окрашенных противопоставлений имеет значение и количественный фактор. Чем чаще встречается однотипная информация, тем больше в нее начинает верить адресат. Часто пропагандисты создают не воздействующее сообщение, а просто много клонированной информации в различных источниках, что постепенно оказывает требующийся эффект узнавания и, как следствие, доверие и принятие факта достоверности. При этом за лексическими единицами в сознании индивида закрепляются негативные коннотации, которые «сопровождают» основную лексему. Например, за определенными национальными или религиозными группами закрепляются клише и стереотипы, которые всегда всплывают в памяти при номинировании этой группы лиц.

Информация, которая имеет манипулятивный характер, как правило, ориентирована на среднестатистического индивида, поэтому отличается упрощенностью как лексической, так и семантической. Экстремистские тексты не содержат в своем составе сложных синтаксических конструкций или терминологических окказионализмов, которые могли бы затруднить восприятие. Можно заметить, что среди группы риска чаще оказываются маргинальные личности, что предопределяет и выбор средств информирования.

Структура повествования чаще всего предполагает возможность тиражирования информации, что, в свою очередь, расширяет круг потенциальных адресатов, а значит, создает образ неопределенного субъекта, который должен понять смысл послания. При этом существуют сообщения и четко адресованные к определенным социальным группам, где авторы максимально используют реалии потенциального индивида и актуализируют профессиональную или идеологическую информацию, затемняющую восприятие смысла для иных субъектов.

Креолизованные тексты имеют значительно больший уровень воздействия по сравнению с однокодowymi. Поликодовые тексты, включающие в свой состав знаки различных семиотических систем, оказывают воздействие на реципиентов с разными типами восприятия информации, темперамента, возрастных и гендерных особенностей. Сочетание словесной части с графической, добавление статических и динамических изображений, звуковой составляющей обеспечивают одновременное воздействие сразу на несколько каналов восприятия информации.

Еще одна очень важная характеристика экстремистских текстов, позволяющая манипулировать адресатами, заключается в том, что информация в них должна быть максимально актуальной, без отсылки на события или явления, давно забытые общественностью. Экстремистские тексты содержательно следуют за новостными, они повторяют ключевую информацию, переосмысляя ее и расставляя необходимые для манипулятора акценты. Таким образом авторы добиваются узнаваемости сообщаемого и, что не менее важно, обеспечивают себе контингент приверженцев, т.к. это востребованный сектор информационного рынка.

Заключение

Вербальный экстремизм — это особая форма речевого манипулирования адресатом, при которой воздействие осуществляется как эксплицитно, так и имплицитно, способствуя совершению индивидом правонарушений, угрожающих общественной и государственной безопасности. В процессе информационного воздействия пропагандисты и агитаторы используют различные приемы и тактики, ориентированные на субъективные и социальные особенности восприятия информации, при которых возбуждается рознь или вражда между представителями различных групп по признакам социальной, расовой, национальной, религиозной или языковой принадлежности. Воздействие на адресата при этом предполагает со стороны манипулятора наличие определенного набора знаний о личности потенциального последователя, что позволит использовать его слабые стороны в процессе воздействия. Экстремистские тексты во многом имеют личностно ори-

ентированный характер, при этом не являясь субъективными, сохраняя возможность для их самотиражирования в процессе передачи от коммуникатора к реципиенту. Соответствующее белорусское и российское законодательства имеют схожие ориентиры в оценке сущности проявления вербального экстремизма, что свидетельствует о постепенной гармонизации правовых систем России и Беларуси в части оценки преступлений против мира и безопасности человечества.

Список литературы

1. *Маслова В.А.* Через синергетический союз лингвистики с другими науками — к новым проблемам и направлениям // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2021. Т. 12. № 3. С. 823—847. doi: 10.22363/2313-2299-2021-12-3-823
2. *Лавицкий А.А.* Русскоязычный правовой дискурс: правонарушение, совершаемое вербальным способом // Русистика. 2019. Т. 17. № 3. С. 300—314. doi:10.22363/2618-8163-2019-17-3-300-314
3. *Громова Н.С.* Вербальный экстремизм: к вопросу о границах термина // Вестник КГУ. 2017. № 3. С. 213—214.
4. *Маслова В.А., Лавицкий А.А.* Власть политическая и судебная: трансфер идей и терминов // Политическая лингвистика. 2019. № 6. С. 189—196. doi: 10.26170/pl19-06-24
5. *Грушихина В.А.* К вопросу о проблемах выявления вербального (словесного) экстремизма путем использования специальных знаний // Современность в творчестве талантливой молодежи. Вып. 17. Иркутск, 2016. С. 46—50.
6. *Галышина Е.И.* Лингвистика vs экстремизма: в помощь судьям, следователям, экспертам / под ред. проф. М.В. Горбаневского. М.: Юридический мир, 2006.
7. *Мокрецова В.М.* Распространение вербального экстремизма в информационном пространстве как угроза формирования современной личности // V Международный научный форум «Интегративный подход в профилактике зависимостей в молодежной среде в условиях цифровизации»: сб. научных статей. Ростов, 6—7 декабря 2018 года / отв. ред. Т.Т. Щелина. Ростов-н/Д: ЮФУ, 2018. С. 94—113.
8. *Осадчий М.А.* Русский язык в судебном процессе. М.: URSS, 2019.

References

1. Maslova, V.A. 2021. Through the Synergetic Union of Linguistics and Other Sciences — to New Challenges and Directions. RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics 12(3): 823—847. doi: 10.22363/2313-2299-2021-12-3-823 (In Russ.)
2. Lavitski, A.A. 2019. The Russian language legal discourse: offences committed verbally. Russian Language Studies 17(3): 300—314. doi:10.22363/2618-8163-2019-17-3-300-314 (In Russ.)
3. Gromova, N.S. 2017. Verbal extremism: on the question of the boundaries of the term. Bulletin of KSU 3: 211—214. Print. (In Russ.)
4. Maslova, V.A., Lavitski, A.A. 2019. Political and Judicial Power: Transfer of Ideas and Terms. Political Linguistics. No. 6 (78). P. 189—196. doi: 10.26170/pl19-06-24
5. Grushihina, V.A. 2016. K voprosu o problemah vyjavlenija verbal'nogo (slovesnogo) jekstremizma putem ispol'zovanija special'nyh znani. Sovremennost' v tvorchestve talantlivoj molodezhi. Vol. 17. Irkutsk: FGKOU VO VSI MVD RF publ. Print. Pp. 46—50. Print. (In Russ.)
6. Galjashina, E.I. 2006. Linguistics vs extremism: to help judges, investigators, experts / Ed. prof. M.V. Gorbanevsky. Moscow: Juridicheskij Mir Publ. Print. (In Russ.)
7. Mokrecova, V.M. 2018. "Rasprostranenie verbal'nogo jekstremizma v informacionnom prostranstve kak ugroza formirovanija sovremennoj lichnosti". In V International Scientific Forum "An integrative approach to the prevention of addictions among youth in the context of digitalization".

T.T. Shchelina (Editor-in-chief). Rostov, Dec., 6–7, 2018. Rostov-n/D: JuFU publ. Pp. 94–113. Print. (In Russ.)

8. Osadchij, M.A. 2019. *Russkij jazyk v sudebnom processe*. Moscow: URSS publ. Print. (In Russ.)

Сведения об авторе:

Дединкин Александр Леонидович — кандидат исторических наук, доцент, директор Витебского филиала Учреждения образования Федерации профсоюзов Беларуси «Международный университет «МИТСО». E-mail: alexanderdedinkin@yandex.by
ORCID: 0000-0003-1029-0788

Bio Note:

Aliaksandr Leonidovich Dziadzinkin is a PhD., Director of Branch, Vitebsk Branch of the Federation's of Trade Unions Educational Institution of Belarus «International University «MITSO». E-mail: alexanderdedinkin@yandex.by
ORCID: 0000-0003-1029-0788